

Религиоведение. 2024. № 2. С. 119–131.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2024. No. 2. P. 119–131.

DOI: 10.22250/20728662_2024_2_119

Забияко А.П.¹, Ван Шуай²

^{1,2} Амурский государственный университет
^{1,2} 675027 Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21
¹ sciencia@yandex.ru; ² shuiyuzl07@163.com

Саманьшань – тунгусский шаманский комплекс на северо-востоке Китая

Аннотация. Шаманизм сохраняет своё присутствие в современных культурах. История изучения шаманизма, формирование классических научных представлений о нём связаны с исследованиями прежде всего религиозной культуры тунгусо-маньчжурских народов. Тунгусский шаманизм существенно утратил ныне своё положение в традиционных культурах, но не исчез. Более того, под влиянием этнических, политических, экономических и иных факторов шаманизм находится в состоянии ревитализации. В современных условиях меняются формы проявления шаманизма. Культурный комплекс Саманьшань (Шаманская гора) находится в Северо-Восточном Китае. Он отражает современное состояние религиозных верований и практик тунгусов, а также некоторых других этнических групп Большого Хингана. Важную часть его функционирования составляют шаманизм и анимизм. В таком ракурсе существования и функционирования Саманьшань может быть охарактеризован как шаманский культурный комплекс. С другой стороны, комплекс создан светскими властями в русле национальной политики и экономической стратегии развития местного туризма. Религиозные функции Саманьшань тесно переплетены с туристическими функциями. Светское содержание многих праздничных мероприятий и их общекультурные функции свидетельствуют о профанизации культового места. В таком ракурсе существования и функционирования Саманьшань относится к категории квазирелигиозных объектов. В Саманьшань шаманизм и анимизм синкретически сочетаются этническими, туристическими, экологическими компонентами, которые в реальной практике функционирования комплекса получают доминирующее значение. В современном мире подобные проявления шаманизма переходят в категорию неошаманизма.

Ключевые слова: Северо-Восточный Китай, религиозный ландшафт, тунгусы, ороконы, шаманизм, неошаманизм, анимизм, квазирелигия

А.П. Забияко

Ван Шуай

Andrey P. Zabiako¹, Wang Shuai²

^{1,2} Amur State University
^{1,2} 21 Ignatievskoe Shosse, Blagoveschensk, 675027, Russia
¹ sciencia@yandex.ru; ² shuiyuzl07@163.com

Samanshan – Tungus Shamanic Complex in Northeast China

Abstract. Shamanism maintains its presence in modern cultures. The history of the study of shamanism and the formation of classical scientific theories of shamanism are primarily connected with the religious culture of the Tungus-Manchu peoples. Although Tungus shamanism has significantly lost its position in traditional cultures, it has not entirely disappeared. Moreover, due to ethnic, political, economic and other factors, shamanism is undergoing a revival. In modern times, the forms of shamanistic manifestations are changing. Samanshan (Shaman Mountain), a cult complex located in Northeast China, reflects the current state of religious beliefs and practices among the Tungus and other ethnic groups in the Greater Khingan region. Shamanism and animism play an important role in its functioning. Based on this perspective, Samanshan can be described as a shamanist cult complex. On the other hand, the complex was created by secular authorities in line with national policy and economic strategies for the development of local tourism. Religious functions of Samanshan are closely intertwined with tourism functions. The secular nature of many festive events and their overall cultural significance indicate the secularization of the religious site. In this context of existence and operation, Samanshan falls into the category of quasi-religious sites. Shamanism and animism which are syncretized with ethnic and tourism components, receive dominant significance in the actual functioning of the site. Nowadays, these manifestations of shamanic beliefs are classified as neo-shamanism.

Key words: Northeast China, religious landscape, Tungus, Orochons, shamanism, neo-shamanism, animism, quasi-religion

Введение

Шаманизм, история которого уходит в глубокую древность, сохраняет своё присутствие в современных культурах. История изучения шаманизма, формирование классических научных представлений о нём связаны с исследованиями прежде всего религиозной культуры тунгусо-маньчжурских народов. Тунгусский шаманизм, в прошлом широко распространённый в России и Китае, хотя и существенно утратил ныне своё положение в традиционных культурах, но не исчез. Более того, под влиянием этнических, политических, экономических и иных факторов он находится в состоянии ревитализации [Ван Хунган, Гуань Сяюнь, 1988; Kister, 1999; Широкогоров, 2001; Харитонова, 2006; Нолл, Ши Кунь, 2009; Ван Хунган, Гуань Сяюнь, 2010]. Факторы ревитализации тунгусского шаманизма России и Китае имеют сходства и отличия. В данной статье раскрывается ряд причин ревитализации, характерных для современного Китая.

Шаманизм остаётся частью религиозной жизни многих народов Северо-Восточного Китая. Живые свидетельства его присутствия можно встретить в пров. Хэйлуцзян – в посёлках Синьшэн, Хума, Байинна, Шибачжань, Тахэ, Мохэ и других. Китайские населённые пункты располагаются на территории хребтов Большой и Малый Хинган в бассейне Амура.

Население посёлков составляют в большой мере орочны – народ тунгусо-маньчжурской группы. Орочны этих посёлков относятся к локальным группам, которые С.М. Широкогоров определял как «тунгусы-оленоводы Маньчжурии» и кумарчены (*живущие по берегам реки Кумара*) [Широкогоров, 2017, 121–130]. Значительная часть тунгусского населения посёлков относится к манеграм, которые официально именуется орочынами. Предки современных кумарчен и манегров относились в конным северным тунгусам. Небольшая часть населения представлена даурами, с которыми тунгусы тесно связаны длинной общей историей, культурными традициями и межэтническими браками. Хотя ныне преобладающими по численности в населённых пунктах являются китайцы (ханьцы), властями официально поддерживается тунгусское своеобразие региона.

Основная цель статьи заключается в осмыслении процессов сохранения и трансформации религиозных традиций, образующих религиозный ландшафт правобережья Амура. Часть представленных в статье эмпирических данных была получена от носителей традиции, которые вплоть до настоящего времени включены в систему шаманских верований и ритуалов:

1. Гуань Цзиньфан (关金芳), ороchonское имя Гухайда, род Гулаир (кит. 古拉依尔), 1956 г.р., родилась в деревне Байинна, здесь же и проживает; действующая шаманка; до выхода на пенсию – заместитель начальника уезда.

2. Мэн Шуцин (孟淑卿), ороchonское имя Ихацян, род Манягир (кит. 玛拉依尔), 1943 г.р., родилась на стойбище близ реки Волэ, проживает в Байинна; в прошлом – помощница (второй дух) шаманки Гуань Коуни; до выхода на пенсию – заместитель главы национального Ороchonского поселка Байинна.

3. Го Баолин (郭宝林), ороchonское имя Тумуха, род Гобэйр (кит. 郭贝尔), 1945 г.р., родился в селе Таэргэне, проживает в деревне Шибачжань; до выхода на пенсию – штатный охотник.

4. Гуань Сяюнь (关小云), ороchonское имя Улалихан, род Гулаир (кит. 古拉依尔), 1958 г.р., родилась в пос. Шибачжань, проживает в Тахэ; краевед, до выхода на пенсию – заместитель начальника уездного управления по делам религий.

Одним из объектов религиозного ландшафта правобережья Амура является Саманьшань – новый шаманский комплекс.

Местоположение и история возникновения культурного комплекса

Саманьшань в переводе с китайского означает «Шаманская гора» (萨满山). Место расположено в 14 км от реки Чабань (查班河) на территории, прилегающей к деревне Шибачжань (十八站) – административному центру Шибачжань-Ороchonской национальной волости уезда Тахэ округа Да-Хинган-Лин. От реки Сиина (西依纳) Саманьшань отделяет 1,5 км. Культурный комплекс находится в окружении сопок на пологой вершине горы на высоте 430 м над уровнем моря. Его площадь размером

примерно в 2 га охватывает покрытый смешанным лесом южный склон горы, откуда открывается красивый вид на окружающие горно-таёжные ландшафты. В центре возвышается скальная гряда высотой около 25 м, длиной около 100 м и шириной около 30 м. Живописный пейзаж являет красоту первозданной природы отрогов Большого Хингана (илл. 1).

Илл. 1. Саманьшань на карте Северо-Восточного Китая.

Вплоть до начала 2000-х гг. среди местного ороchonского населения сохранялась память о том, что в окрестностях горы ороchonы пасли лошадей и охотились. На вершине совершали частным образом окказиональные охотничьи обряды, с мая по июнь регулярно отправляли коллективные сезонные жертвоприношений духам, а в ситуации появления нового родового шамана здесь проходят церемонии инициации нового шамана. К началу 2000-х гг. ритуальные практики стали очень редким событием, однако их следы оставались на вершине горы в виде привязанных к веткам деревьев разноцветных полос ткани. В ороchonской топонимике возвышенность именовалась священной горой Илици (屹立奇神山), а у местных китайцев (ханьцев) она была известна как Саманьшань.

Согласно свидетельству Гуань Цзиньфан и Гуань Сяюнь, в 2014 г. власти Шибачжань решили, что на прилегающих к Шибачжань территориях нужно выбрать место, которое можно использовать в качестве туристической достопримечательности и преобразовать его в духе сохранения нематериального культурного наследия в качестве ритуального комплекса ороchonов. В то время ещё была жива шаманка Гуань Коуни, активно участвовавшая в мероприятиях по воссозданию ороchonских традиций. Партийно-административное руководство обратилось к ней за советом в выборе подходящей местности (илл. 2).

Шаманка указала на гору Илици (Саманьшань), где, по её убеждению, обитает дух, властвующий над местными ороchonами. Она отметила, что на полпути к вершине горы находился огромный плоский валун, похожий на стол, а рядом с ним располагалось несколько небольших камней, на которых удобно сидеть. Показав в лесу этот участок, Гуань Коуни посоветовала: «На этой горе правительство хочет построить туристический объект. Не нужно сносить эти камни. Это место, приносит удачу тому, кто хочет стать чиновником. Чтобы достичь своей цели, нужно прийти

сюда и сесть на эти камни. Эти камни впитывают в себя силу Солнца и Луны». Затем она указала на очень толстое дерево, что стояло чуть дальше от этих камней, и сказала, что на его стволе нужно вырезать личину духа Байнача – это тоже сыграет важную роль в привлечении туристов и других посетителей, желающих получить от духа помощь в житейских делах. Гуань Коуни ходила по горе и представляла, как тот, кто хочет стать чиновником, подходит к группе камней, садится перед «столом» на благоприятствующие жизненным успехам камни, затем направляется на восток – туда, где растёт самое большое дерево Эйяхен, которое благодатно влияет на судьбу человека. Она была убеждена, что дальше от «стола», ниже по склону, есть ещё одно достойное внимания место. Здесь когда-то очень давно было поле боевого столкновения, в ходе которого сражались тысячи солдат и лошадей. А на вершине горы стоял командующий и руководил боем. «Вам нужно установить здесь лестницу для того, чтобы равняться на богов», – посоветовала шаманка представителям власти [ПМА, 2023].

Илл. 2. Гуань Коуни. Фотография из семейного архива Гуань Синя, внука Гуань Коуни.

Предложения по местоположению ритуально-туристического объекта были приняты, однако были учтены не в полном объёме. Не было оборудовано место, дарующее удачу чиновнику. Более того, огромный валун, «впитывающего в себя силу Солнца и Луны», был использован для сооружения бюста шамана. У изображения не было ни ног, ни рук, ни части туловища, что, согласно мнению Гуань Коуни и Гуань Цзиньфан, было большим неуважением по отношению к духам, чьим представителем является, как известно, шаман. По словам Гуань Цзиньфан, у создававшей скульптуру семейной пары после установки бюста и возвращения домой ухудшилось здоровье. После безуспешных попыток его поправить обычными средствами супругам пришлось обратиться за помощью к шаманке Гуань Коуни с просьбой излечить их болезни. Та согласилась и в результате проведения шаманского обряда на берегу реки Хума они наконец выздоровели [ПМА, 2023].

Открылся комплекс 24 июня 2017 г. в присутствии представителей местных властей и при большом стечении народа – более 1 тыс. человек. В церемонии приняла участие Гуань Коуни. Шаманка провела ритуал поклонения духом местности, в ходе которого под песни и звуки бубна духам были преподнесены девять диких гусей, девять рыб и другие традиционные жертвы. Церемонию продолжили выступления фольклорных коллективов близлежащих орончонских деревень и возжигание большого костра (илл. 3, 4).

Устройство и функции Саманьшань

Комплекс сооружений площадь Солнца и Луны, несколько культовых объектов, стилизованные конструкции чумов и кострища, тропу в виде деревянного настила для движения вокруг скальной гряды протяжённостью около 400 м, а также несколько вспомогательных построек бытового назначения (илл. 5).

Илл. 3. Церемония открытия Саманьшань. Фото из архива Гуань Сяюнь.

Площадь Солнца и Луны, также именуемая площадью жертвоприношений Шаньшань, имеет общую площадь 2450 кв. м. и диаметр 36 метров. В основу её идеи заложен смысл почитания бога Солнца, бога Луны и функционального обеспечения церемоний жертвоприношений, сопровождаемых танцами и возжиганием костра. Со времени открытия комплекса такие церемонии проводятся каждый год весной и осенью (илл. 6).

Площадь Солнца и Луны окружена девятью тотемными столбами. На четырёх из них в качестве основного элемента изображены орлы. Эти столбы, по замыслу создателей, представляют четыре этнические группы, которые причастны к шаманизму. Пять столбов несут на себе в качестве основного элемента изображения медведя. Они представляют пять регионов северо-востока Китая, где проживают орочны. Явленный этими столбами общий смысл заключается в демонстрации того, что орочны почитают орлов и медведей в качестве духов и поклоняются им в качестве тотемов, символов рода. Отчасти это соответствует исторической правде. При этом проектировщики комплекса вменили орономам практику изготовления резных столбов, которые, согласно интерпретации создателей, обладают некой духовной таинственной силой, которая может обеспечить выживание и продолжение рода. В действительности ни орочны, ни мангры, ни другие амурские тунгусские группы подобных тотемных столбов в своём историческом прошлом не делали. Очевидно, дизайнеры проекта вдохновлялись образами тотемных столбов североамериканских индейцев (илл. 7).

Центральным культовым объектом является изображение бюста шамана, выполненное из камней, бетона и других материалов, высотой 18,8 м. Сколь-нибудь внятным религиозно-мифологическим смыслом это громоздкое сооруже-

Илл. 4. Церемония открытия Саманьшань.
Жертвоприношения духам.
Фото из архива Гуань Сяюнь.

Илл. 5. Общий вид на площадь и скальную гряду
с сооружениями. Фотография А.П. Забияко.

Илл. 6. Вид на площадь. Фотография А.П. Забияко.

ние создателями не наделено. Оно не персонифицировано, не имеет религиозного нарратива и не предназначено для отправления каких-либо культовых действий в качестве идола. Идеология тунгусо-маньчжурского шаманизма не включала в свой состав представлений о святости шамана при жизни и целесообразности его деификации после смерти. Посмертное почитание шамана или шаманки, если оно осуществлялось, относилось не к особому шаманскому культу, а к общим семейно-родовым культурам предков, т.е. почитали их как усопших родственников. Хоронили шаманов по обычному для группы погребальному обряду с соблюдением особых действий по отношению к шаманскому

Илл. 7. Тотемные столбы. Фотография Ван Шуай.

костюму и атрибутам. Посмертных изображений или сооружений с шаманской спецификой не делали. Место захоронения специальным сакральным статусом не наделялось. Посмертных мифологических нарративов вокруг образов умерших шаманов не слагали и магических действий общения с ними не практиковали. Похожая ситуация в отношении к шаманам существовала в китайской (ханьской) религиозной традиции. В Саманьшань помпезный бюст шамана является продуктом современных дизайнерских решений, чуждых традиционной культуре. Здесь он – главный компонент пиар-технологии продвижения регионального туризма. В официальных комментариях с гордостью указывается, что это – самая высокая в Китае скульптура шамана (илл. 8).

Правая нижняя часть скульптуры представляет собой панно с барельефными изображениями плывущих рыб, летящих птиц, лежащих лося и оленя, двух идущих человеческих фигур – одна с луком, другая – с двузубой острогой-рогатиной. Обе шагающие по северной тайге атлетические фигуры обнажены и прикрыты только набедренными повязками из листьев. Смыслы и стиль этой композиции отсылают в некое первозданное состояние природы и людей, к которому якобы становятся причастны посетители заповедного места (илл. 9).

У подножия скальной стенки со скульптурой и панно находится выступающая из земли лепная голова медведя, а недалеко от неё в западной оконечности комплекса расположен «медвежий камень». В отличие от тотемных столбов, бюста шамана и сцен панно голова медведя и «медвежий камень» имеют прямое отношение к традиционным тунгусским фольклорным сюжетам. Создатели медвежьей группы в экспликации к медвежьим образам ссылаются на повествование, имевшее хождение среди местных тунгусов. Оно рассказывает, что в древние времена жил охотник по имени Можигэн, который был схвачен медведицей во время охоты и помещён ею в пещеру, где был вынужден вступить с ней в брачную связь. Через некоторое время у медведицы родился детеныш. Каждый день медведица выходила за едой. Опасаясь, что Можигэн

Илл. 8. Изображение шамана. Фотография А.П. Забияко.

сбежит, она каждый раз заваливала вход в пещеру валунами. Но однажды медведица забыла об осторожности и не загородила вход. Охотник воспользовался случаем и убежал. Вернувшись медведица обнаружила, что Можигэн исчез, взяла медвежонка и побежала за ним. Во время погони медведица настойчиво пыталась убедить беглеца вернуться, но тот не обращал на её мольбы внимания. Тогда в отчаянии медведица-мать разорвала медвежонка пополам. Половина

Илл. 9. Панно. Фотография А.П. Забияко.

медвежонка, оставленного медведицей себе, чудесным образом не погибла, медвежонок вырос, а когда стал медведем, тогда при помощи шамана Эндули смог победить злого бога Сывэньбо. Зверь превратился в доброго медведя – спутника шамана. А другая половина, брошенная в объятия Можигэна, тоже не погибла, но стала мальчиком. Когда мальчик вырос, он соскучился по своей матери-медведице и вернулся туда, где родился, – в горы. Там он превратился в «медвежий камень» на горе, а валун, преграждавший вход в пещеру, стал горой Саманьшань (илл. 10).

Сюжет о браке медведицы и человека типичен для тунгусского фольклора. Его локальные изводы могут отличаться, но суть остаётся единой. Она заключается в идее восходящего к общим предкам родства медведей и людей, которая отягощена трагической концовкой, обусловленной пониманием противоположности возвращения к брачно-родственным отношениям – слишком далеко удалились люди от природного мира, боятся его. В конце 1850-х гг. в среде бираров, живших в устье Буреи, было записано сказание. Оно повествует, что некогда к Буреинским хребтам, к горе Мохаве приплыли люди из Айгуна, чтобы поохотиться. Собираясь назад, они обнаружили, что один из охотников пропал. Поиски были тщетными, и люди уплыли назад, оставив товарища. «Последнего встретила медведица, которая взяла его в плен и поселила в пещере, куда проходило мало света через отверстие. Здесь этот человек провёл некоторое время под строгим надзором, причём у него выросли длинные волосы и ногти. Медведица давала ему сырого мяса и, наконец, пленник ей понравился, она стала к нему менее строга и предложила ему жениться на ней. Человек согласился, и супруги были наделены двумя мальчиками. Тогда прежний пленник сделался совершенно свободным и ходил на охоту, а медведица собирала ему сладкие ягоды. Однажды вечером, на третий год пребывания человека в горах, он при своем возвращении увидел, как к Мохаве пристали люди в лодке, и обрадовался встрече с другими людьми. Чужеземцы, однако, боялись его, потому что супруг медведицы оброс волосами. Лишь когда он рассказал им свою судьбу, они подпустили его. Беседа продолжалась до глубокой ночи, и путешественники, прибывшие также из Айгуни, обещали бедному пленнику взять его с собой на родину. Наутро все они отплыли, но медведица заметила ночью вероломство своего мужа и побежала к реке. Она пришла, когда лодка отчалила, поспешно воротилась к своему жилищу, взяла обоих детей и воротилась к Амуру, где в ярости растерзала

Илл. 10. Скульптура головы медведя. Фотография А.П. Забияко.

у него выросли длинные волосы и ногти. Медведица давала ему сырого мяса и, наконец, пленник ей понравился, она стала к нему менее строга и предложила ему жениться на ней. Человек согласился, и супруги были наделены двумя мальчиками. Тогда прежний пленник сделался совершенно свободным и ходил на охоту, а медведица собирала ему сладкие ягоды. Однажды вечером, на третий год пребывания человека в горах, он при своем возвращении увидел, как к Мохаве пристали люди в лодке, и обрадовался встрече с другими людьми. Чужеземцы, однако, боялись его, потому что супруг медведицы оброс волосами. Лишь когда он рассказал им свою судьбу, они подпустили его. Беседа продолжалась до глубокой ночи, и путешественники, прибывшие также из Айгуни, обещали бедному пленнику взять его с собой на родину. Наутро все они отплыли, но медведица заметила ночью вероломство своего мужа и побежала к реке. Она пришла, когда лодка отчалила, поспешно воротилась к своему жилищу, взяла обоих детей и воротилась к Амуру, где в ярости растерзала

мальчиков, в виду отплывающих, и бросила их в Амур. После такого трагического происшествия гору и назвали злою (Мохава). Ещё и поныне тунгузы показывают пещеру, где некогда находился в плену один из их земляков и где через трещину в скале проходит сверху свет» [Мичи, 1868, 247–248].

Соответствующие подлинным религиозным верованиям и практикам населения Большого Хингана культовые объекты находятся на обратной от площади стороне скальной гряды. Почти на самой вершине на склоне растёт сосна, на толстом стволе которой вырезано изображение человеческого лица. Личина являет образ Байначи. В верованиях и религиозных практиках орочонов и других этнических групп Хингана культ духа горы (山神崇拜) занимает важное место. Среди местных жителей (орочонов, эвенков, дауров) дух горы (кит. *shān shén* 山神) именуется *Байнача* (白那恰). У орочонов *Байнача* – дух горы, который в широком смысле является божеством, властвующим над живыми существами, а в более узком смысле – божеством, отвечающим за успешную охоту. Нам уже приходилось отмечать, что культ духа гор орочонов Большого Хингана представляет собой этнолокальный вариант культа духа – хозяина местности. В нём религиозные верования и практики сосредоточены на почитании духа местности, регулирующего отношения между живыми существами в пределах своей территории. В функции такого духа входит распределение охотничьей добычи, что обуславливает связь культа с промысловой магией. Но культ Байначи не сводится только к мифологии духа местности и промысловой магии. С ним связано представление о сытой жизни, благоденствии, удаче и здоровье. Культ духа горы является в орочонской культуре частью как окказиональной, так и календарной обрядности [Забияко, Ван Шуай, 2022] (илл. 11, 12).

Перед деревом устроен большой деревянный помост с перилами. На перилах навязаны ленты разноцветной (преимущественно красной) ткани шириной около 10 и длиной около 100 см. На полу помоста стоят вазочки для жертвоприношений и курительница для благовонных палочек (илл. 13). Рядом находится баночка, в которую просители могут налить водку. На лентах написаны просьбы к Байначе. Например, обращения с просьбой о здоровье и безопасности семьи, об успешной сдаче экзамена и т.д. Как отмечено выше, Байнача и раньше был связан с представлениями о благополучии. В настоящее время в связи с практически полным исчезновением охоты из жизни местных жителей его культ почти утратил характер промысловой магии.

Возникновение и функционирование почитания Байначи не было связано с шаманскими верованиями и практиками.

Илл. 11. Помост и сосна с личиной Байначи. Фотография А.П. Забияко.

Илл. 11. Помост и сосна с личиной Байначи. Фотография А.П. Забияко.

Илл. 12. Личина Байначи. Фотография А.П. Забияко.

Изготовление личин и отправление обрядов обычно осуществлялось простыми людьми. В ходе экспедиции нам довелось участвовать в отправлении традиционного обряда, который был выполнен бывшим охотником, тунгусом Го Баолинем и членами его семьи в прибрежном лесу у реки Кумары (илл. 14.). Однако в поздних формах существования почитание духа горы допускало участие шамана. В ороchonских (манегрских) деревнях Большого Хингана включавшее камлание шаманов отправление обрядов почитания Байначи практиковалось вплоть до недавнего времени. Поэтому личина Байначи и почитание этого духа на Шаманской горе относятся к вполне традиционным верованиям и обрядам.

Длительное сосуществование тунгусов и китайцев (ханьцев), разумеется, не могло не наложить отпечаток на религиозную повседневность населения. Вазочка для жертвоприношений даосская. Пояснительная надпись конкретизирует назначение вазочки и жертвоприношений: 招财进宝 – «для привлечения богатства». Такого рода синкретизм даосизма и местных верований на почве обеспечения богатства, здоровья, долголетия вполне органичен. Для даосизма в его народном бытовании богатство, здоровье и долголетие являются важнейшими ценностями.

Рядом с культовым местом для почитания Байначи находится ещё одна ритуальная площадка. Здесь расположены прямоугольный дощатый помост примерно 3x4 м с перилами и две большие сосны, растущие перед помостом. В современном толковании это «два священных дерева счастья и удачи». Стволы деревьев обвязаны ритуальными лентами (илл. 15). Почитание деревьев относится к традиционными верованиям и практикам как тунгусов, так и китайцев. Согласно представлениям таёжных групп тунгусов, деревья могут быть местами жилищ духов местности. Такие представ-

Илл. 13. Вазочка для подношений Байначи.
Фотография А.П. Забияко.

Илл. 14. Река Кумара. Почитание Байначи. Август 2023 г.
Фотография А.П. Забияко.

Илл. 15. Два священных дерева счастья и удачи и ритуальный помост.
Фотография А.П. Забияко.

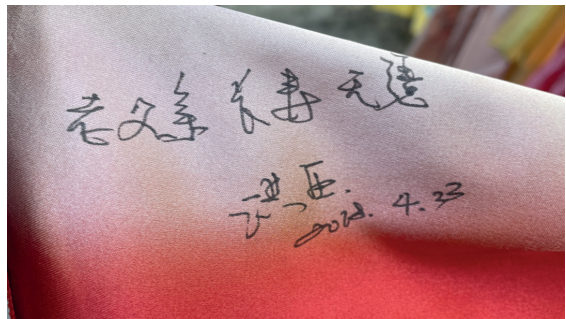
ления далеко выходят за пределы тунгусской культуры. Повязывание лент на стоящие на перевалах и в других примечательных местах деревья – широко распространённая на востоке Азии практика. В Саманьшань ритуальные ленты выполняют функцию символической жертвы духам «счастья и удачи». На каждой из них написано молитвенное обращение с просьбой о личном или семейном благополучии. Т.о., функция этого культового места состоит в обеспечении обрядов, которые относятся к анимизму, культу деревьев и магии (илл. 16, 17).

В 10 км от Саманьшань на берегу озера Ани построен ещё один объект, дополняющий шаманскую тематику. Здесь находится высокая стилизованная в форме чу-ма из бересты конструкция, а также ландшафтная дорога с девятью поворотами (九曲路). На каждом повороте стоит валун. На каждом валуне выгравирован и покрашен краской золотого цвета крупный иероглиф – «путь», «выбор», «соединение», «изменение», «предотвращение», «постижение», «движение», «продление», «достижение», всего, т.о., девять иероглифов. Согласно интерпретации создателей комплекса, концепция проекта опирается на мифологические представления о 18 шаманских богах и девятигрудой матери. Следует заметить, что пантеон северных тунгусов (орочонов, манегров и др.) может включать в разных этнолокальных вариантах разное количество шаманских духов – 18, 10 и т.д. Строгой кодификации духов, в том числе в культуре кумарченских тунгусов, не существовало. Цифра 9 фигурирует в сакральной нумерологии тунгусо-маньчжурских религиозных представлений. В этих представлениях широко распространён образ богини-матери, матери-прародительницы (Омоси-мама, Фодо-мама и т.д.) [Shirokogoroff, 1935; Сем, 2015]. Этнолокальная иконография образа богини матери разнообразна – она имеет как антропоморфные варианты, так и зооморфные, дендроморфные, серпентоморфные и иные символические репрезентации. Нами не обнаружен в тунгусской традиции мифологический образ девятигрудой матери. Возможно, он известен создателям комплекса. Не исключено, что этот образ – плод творческого воображения, созданный по мотивам мировой мифологии.

Кроме религиозных или близких к ним по замыслу практик культовый комплекс Саманьшань открыт для нерелигиозных мероприятий. На площади Солнца и Луны ежегодно 28 июня проводится фестиваль костров (праздник огня) (илл. 18). В его основе лежит коллективный обряд осеннего жертвоприношения, перенесённый властями из противопожарных соображений на лето и практически утративший своё религиозное содержание. Здесь же в русле политики сохранения культуры малых народов происходят выступления орочонских самостоятельных коллективов, стилизованные под ритуалы шаманских камланий и обряды молитвенного обращения к духам (илл. 19). На фоне скальной гряды 23 марта 2023 г. состоятся в тунгусском этностиле «Весенний снежный фестиваль моды», в оформлении которого бюст шамана и ритуальные ленты выступали ярким элементом декорации (илл. 20, 21). Светское содержание многих праздничных мероприятий и их общекультурные функции свидетельствуют о профанизации культового места.

Илл. 16. Надпись на ленте: «Прошу моей семье крепкого здоровья, всего наилучшего, мира и счастья». Фотография Ван Шуай.

Илл. 17. Надпись на ленте: «Прошу старому папе долгих лет жизни». Фотография Ван Шуай.

Илл. 18. Фестиваль костров.
Фото из архива Гуань Сяюнь.

Илл. 19. Выступление ороchonского танцевального коллектива.
Фото из архива Гуань Сяюнь.

Илл. 20. Саманьшань. «Весенний снежный фестиваль моды». 23.03.2023. По: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_22416261

Илл. 21. Саманьшань. Демонстрация моды в этническом стиле. «Весенний снежный фестиваль моды». 23.03.2023. По: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_22416261.

Тем не менее, комплекс Саманьшань, задуманный и созданный светскими властями в качестве туристического объекта, обладает религиозным содержанием и функциями. Молитвенные обращения и жертвоприношения являются регулярной религиозной практикой посетителей комплекса. В сознании многих визитёров он воспринимается как религиозный объект. На это указывают утверждения местных ороchonов старшего поколения. Об этом свидетельствуют и комментарии на туристическом сайте посетителей Шаманской горы, которые используют по отношению к ней определение «священное» (神圣): «это священное место, которое нельзя осквернять»; «священное место повсюду наполнено аурой»; «18-метровая скульптура, такая высокая, она действительно священна»; «гора сама даёт священную инициацию» и т.д. [Колонка, <https://www.mafengwo.cn/i/7465571.html>].

Заключение

Культовый комплекс Саманьшань отражает современное состояние религиозных верований и практик ороchonов, а также некоторых других этнических групп севера Большого Хингана. Основу его функционирования составляют шаманизм и анимизм в формах культа духа горы Байнача и поклонения духам деревьев. Местоположение Саманьшань связано с традиционными культовыми местами ороchonов. В его наименовании Шаманской горой, создании и освящении принимала участие шаманка Гуань Коуни. Сопутствующие комплексу реминисценции и нарративы от-

сылают к шаманизму. Многие посетители Шаманской горы относятся к ней как к священному месту. В таком ракурсе существования и функционирования Саманьшань может быть охарактеризован как шаманский культовый комплекс.

С другой стороны, комплекс создан светскими властями в русле национальной политики и экономической стратегии развития местного туризма. Религиозные функции Саманьшань тесно переплетены с туристическими функциями. Светское содержание многих праздничных мероприятий и их общекультурные функции свидетельствуют о профанизации культового места. Настоящие шаманские обряды здесь никогда не проводятся. Шаманский колорит является по большей части декорацией туристического объекта. Некоторые сооружения (например, тотемные столбы) не имеют отношения к подлинной религиозной культуре местного населения и выступают в качестве имитации родоплеменной религиозной архаики. В таком ракурсе существования и функционирования Саманьшань относится к категории квазирелигиозных объектов.

Квазирелигия представляют собой религиоподобную систему, синкретически сочетающую религиозные и нерелигиозные компоненты. Инкорпорированные в состав квазирелигии компоненты традиционных религий не определяют форму и содержание данной системы, будучи второстепенными и выполняя служебную роль [Забяко, 2012]. В Саманьшань шаманизм и анимизм синкретически сочетаются этническими, туристическими, экологическими компонентами, которые в реальной практике функционирования комплекса получают доминирующее значение, оставляя религиозным компонентам роль экзотической красочной декорации. В современном мире подобные проявления шаманизма переходят в категорию неошаманизма.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00807, <https://rscf.ru/project/24-18-00807/>

Acknowledgement

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-18-00807, <https://rscf.ru/project/24-18-00807/>

Библиографический список

1. Забяко, А.П. Вместо послесловия. Проблема демаркации религии и квазирелигии / А.П. Забяко. // Забяко А.П. и др. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций. Под ред. А.П. Забяко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – С. 190–192.
2. Забяко, А.П. Культ духа горы у этнических групп Большого Хингана: традиции и новации (по материалам полевых исследований) / А.П. Забяко, Ван Шуай // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 14. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2022. – С. 157–172.
3. Забяко, А.П. Ороchonская шаманка Гуань Коуни: основные этапы жизни в контексте истории шаманизма ороchonов Северо-Восточного Китая / А.П. Забяко, Ван Шуай // Религиоведение. – 2022. – № 4. – С. 111–128.
4. Мичи, А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири / А. Мичи. – СПб.: Издание М.О. Вольфа, 1868. – 351 с.
5. Нолл, Р. Последний шаман ороchonов Северо-Восточного Китая / Р. Нолл, Кунь Ши // Религиоведение. – 2009. – № 2. – С. 19–36.
6. Сем, Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи) / Т.Ю. Сем. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. – 640 с.
7. Харитонова, В.И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий / В.И. Харитонова. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2006. – 372 с.
8. Широкогоров, С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов / С.М. Широкогоров. // Широкогоров С.М. Этнографические исследования. Книга первая: Избранное. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – С. 116–186.
9. Широкогоров, С.М. Социальная организация северных тунгусов / С.М. Широкогоров. – М.: Наука-Восточная литература, 2017. – 710 с.
10. Kister, Daniel A. Present-Day Shamanism in Northern China and the Amur Region / Daniel A. Kister // Shaman. – 1999. – Vol. 7. – № 1. – P. 77–95.

11. Shirokogoroff, S.M. *Psychomental Complex of the Tungus* / S.M. Shirokogoroff. – L.: Kegan Paul, 1935. – 469 p.
12. Ван, Хунган. Изучение ороchonского шаманизма / Ван Хунган, Гуань Сяюнь. – Ляонин: Ляонинское народное издательство, 1998. – 213 с. (王宏刚, 关小云. 鄂伦春族萨满教调查. – 辽宁: 辽宁人民出版社, 1988. – 213 页).
13. Ван, Хунган. Обзор ороchonской шаманской культуры / Ван Хунган, Гуань Сяюнь. – Пекин: Национальное издательство, 2010. – 303 с. (王宏刚, 关小云. 鄂伦春萨满文化调查. – 北京: 民族出版社, 2010. – 303 页).
14. Го, Шуюнь. Исследования феномена шаманизма в Северном Китае / Го Шуюнь. – Пекин: Национальное издательство, 2007. – 275 с. (郭淑云. 中国北方萨满出神现象研究. – 北京: 民族出版社, 2007. – 275 页).
15. Колонка путешественника [Электронный ресурс] // Mafengwo.cn. – URL: <https://www.mafengwo.cn/i/7465571.html> (дата обращения 15.02.2024) (萨吉满盛山, 予自己一场神圣洗礼 // Mafengwo.cn. – URL: <https://www.mafengwo.cn/i/7465571.html> (2024年2月15日)).

Текст поступил в редакцию 15.04.2024.

Принят к печати 13.05.2023.

Опубликован 27.06.2024.

References

1. Guo Shuyun. *Research on the phenomenon of shamanism in Northern China*. Beijing: Nacional'noe izdatel'stvo, 2007, 275 p. (in Chinese).
2. Haritonova V.I. *Feniks iz pepela? Sibirskij shamanizm na rubezhe tysyacheletij* [Phoenix from the ashes? Siberian shamanism at the turn of the Millennium]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 2006, 372 p. (in Russian).
3. Kister D.A. Present-Day Shamanism in Northern China and the Amur Region. *Shaman*. 1999, vol. 7, no. 1, pp. 77–95.
4. Michi A. *Puteshestvie po Amuru i Vostochnoj Sibiri* [Journey along the Amur and through Eastern Siberia]. St. Petersburg: Izdanie M.O. Vol'fa, 1868, 351 p. (in Russian).
5. Noll R., Shi Kun. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2009, no. 2, pp. 19–36 (in Russian).
6. Sem T.Yu. *Kartina mira tungusov: panteon (semantika obrazov i etnokul'turnye svyazi)* [The Tungus worldview: pantheon (semantics of images and ethnocultural connections)]. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2015, 640 p. (in Russian).
7. Shirokogoroff S.M. *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul, 1935, 469 p.
8. Shirokogorov S.M. *Etnograficheskie issledovaniya. Kniga pervaya: Izbrannoe* [Ethnographic research. Book One: Favorites]. Comp. by A.M. Kuznecova, A.M. Reshetova. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2001, pp. 116–186 (in Russian).
9. Shirokogorov S.M. *Social'naya organizaciya severnyh tungusov* [Social organization of the northern Tungus]. Moscow: Nauka-Vostochnaya literatura, Seriya: Etnograficheskaya biblioteka, 2017, 710 p. (in Russian).
10. The traveler's column. *Mafengwo.cn*. Available at: <https://www.mafengwo.cn/i/7465571.html> (accessed on 15 February 2024) (in Chinese).
11. Wang Honggang, Guan Xiaoyun. *Overview of the Orochon Shamanic culture*. Beijing: Nacional'noe izdatel'stvo, 2010, 303 p. (in Chinese).
12. Wang Honggang, Guan Xiaoyun. *The study of Oroch shamanism*. Liaoning: Lyaoninskoe narodnoe izdatel'stvo, 1988, 213 p. (in Chinese).
13. Zabayako A.P. *Kiberreligiya: nauka kak factor religioznykh transformatsiy* [Cyber-religion: science as a factor of religious transformations]. Ed. by A.P. Zabayako. Blagoveshchensk: Amurskij gos. un-t, 2022, pp. 190–192 (in Russian).
14. Zabayako A.P., Wang Shuai. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2022, no. 4, pp. 111–128 (in Russian).
15. Zabayako A.P., Wang Shuai. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah* [Russia and China on the Far Eastern borders]. Vol. 14. Blagoveshchensk: Amurskij gos. un-t, 2022, pp. 157–171 (in Russian).

Submitted for publication: April 15, 2024.

Accepted for publication: May 13, 2024.

Published: June 27, 2024.